

Святитель Лука
(Войно-Ясенецкий)

**Святитель Лука
(Войно-Ясенецкий)**

«Благовест»

2014

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) / «Благовест», 2014

В этой книге собраны свидетельства о личности святителя Луки, архиепископа Симферопольского и Крымского, выдающегося врача и ученого, гениального хирурга, спасшего тысячи жизней, пастыря и проповедника, богослова, подвижника, восстанавливавшего храмы Божии в тяжелое для Церкви время, прославленного Церковью исповедника, в земле Российской просиявшего, совершающего чудеса донныне по молитвам с верою притекающих к нему. Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

, 2014

© Благовест, 2014

Содержание

Предисловие	6
Жизнеописание святителя Луки	8
Детство и юность	8
Университет	11
Земский врач	13
Ташкент. Священство	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

*** * ***

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2014

Предисловие

Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) жил и работал в тяжелой период для нашей страны – в конце 19 и в первой половине 20 века, в годы духовного кризиса, отступления народа от веры, войн, революций, политических репрессий, гонений на Церковь. Это наш современник – выдающийся врач и ученый, гениальный хирург, спасший тысячи жизней, пастырь и проповедник, богослов, подвижник, восстанавливавший храмы Божии в немыслимое для этого время, прославленный Церковью исповедник, в земле Российской просиявший, совершающий чудеса доньше по молитвам с верою притекающих к нему. Узкий путь страдания за истину и служения людям, всегда против «удобного» течения, всегда верность Богу и любви к человеку – яркая и удивительная жизнь христианина во времена отступничества, страха и предательства. Святитель Лука прожил одиннадцать лет в тюрьмах, лагерях, ссылках. Своим духовным подвигом и самоотверженной работой хирурга и «мужичьего» врача он обрел всенародную любовь.

В 20-е годы в разгар гонений на Церковь и ее служителей он стал священником, принял постриг в монахи с именем Лука в честь апостола и евангелиста, и затем был тайно рукоположен в епископа Ташкентского и Туркестанского. Дальше были Красноярская и Тамбовская кафедры. В 1946 году архиепископа Луку перевели в Симферополь – последнее место службы.

Где бы он ни был, везде без страха и сомнения служил, проповедовал и лечил людей, защищал православную веру и Церковь делом, словом и писанием.

Умер святитель Лука 11 июня 1961 года в воскресенье, в день Всех святых, в земле Российской просиявших. Канонизирован Русской Православной Церковью в сонме новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания в 2000 г оду.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, совершая пастырское посещение Украинской Православной Церкви, поклонился мощам святителя Луки, покоящимся в соборном храме Свято-Троицкого женского монастыря в г. Симферополе. В своем слове к пастве Святейший Владыка сказал:

«...С трепетом прикоснулся я к мощам святителя Луки, практически нашего современника. Мне не приходилось лично встречаться с ним, но довелось много слышать о нем от тех, кто служил с владыкой Лукой, кто его хорошо знал. Это действительно был дивный архипастырь, сочетавший служение Церкви и служение науке, сочетавший способность работать в светской системе в условиях атеистического государства и одновременно быть архипастырем Церкви.

Пример святителя Луки учит нас тому, как находить выход из, казалось бы, безнадежной жизненной ситуации, как, не идя на компромисс с совестью, быть мирным и спокойным и разумно устроить свое земное бытие.

Святитель Лука был таким человеком: казалось бы, внешние обстоятельства подавляли его, но он никогда не ломался от этого давления и сохранял свою внутреннюю силу, потому что сила эта была в вере православной. Он чувствовал присутствие Господа в своей жизни и поэтому ничего не боялся, ничего не страшился, ни от чего не уклонялся, но мужественно, с любовью к людям и в мире осуществлял свое архипастырское служение. Сегодня святитель Лука для многих из нас – великий и светлый пример». [16.]

Господь Иисус Христос всегда Тот же. Надо понять нам, суесящимся в современном «цивилизованном» обществе, вспомнить всей душой своей и всем сердцем, что все мы даны друг другу Господом для спасения. Очень важно именно сейчас, когда стираются границы между добром и злом, между истиной и ложью, еще и еще раз обратиться к жизни святителя Луки, чтобы научиться у него мужеству стояния в истине, молитвенно просить его помощи во всех делах.

Жизнь святителя Луки пусть будет для нас примером христианского пути в наше время, образом деятельной веры, бескорыстия и самоотвержения, труда любви к Церкви до последнего вздоха.

В этой книге собраны свидетельства о подвиге святителя Луки, архиепископа Симферопольского и Крымского – человека, врача, пастыря, святого.

Елена Круглова

Жизнеописание святителя Луки

Детство и юность

27 апреля 1877 года в городе Керчи у Феликса Станиславовича Войно-Ясенецкого и его жены Марии Дмитриевны (в девичестве Кудриной) родился третий сын – Валентин.

Род Войно-Ясенецких известен с XVI столетия, и его представители служили при дворе польских и литовских королей. Но постепенно род обеднел, и уже дед Валентина Феликсовича жил в Могилевской губернии в курной избе, ходил в лаптях, но, правда, имел мельницу.

«Три предшествующих колена потомственных дворян влачило довольно жалкое существование, пока Феликс Станиславович не разорвал этой вековой череды вечно нуждающегося, почти нищего дворянства: получил провизорское образование, вырвался из деревенской глуши и по селился в г. Керчи», – пишет В. А. Лисичкин, внучатый племянник будущего архиепископа Луки. [9, с. 21.]

Аптека, владельцем которой Феликс Станиславович был в течение двух лет, больших доходов не приносила. Он перешел на государственную службу и до самой смерти оставался служащим транспортного общества.

Феликс Станиславович был тихим, добрым и спокойным человеком. Он исповедовал, как и его предки, католическую веру, но своих взглядов детям не навязывал. В автобиографии святитель Лука вспоминает о нем с любовью: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял, хотя по своей должности был окружен нечестными людьми. В нашей православной семье он, как католик, был несколько отчужден». [1, с. 9.]

Тон в семейной жизни задавала волевая Мария Дмитриевна. Она была воспитана в православных традициях, и вера ее была деятельной. «Мария Дмитриевна регулярно передавала домашнюю сдобу для арестованных в тюрьму, устраивала возможность заработать арестантам, посылая им, к примеру, для перетяжки матрацы. Когда началась первая мировая война, в доме постоянно кипятилось молоко, которое отправлялось раненым воинам. Но живое религиозное чувство Марии Дмитриевны было жестоко травмировано одним неприятным случаем. Справляя поминки по умершей дочери, она принесла в храм блюдо с кутьей и после панихиды случайно оказалась свидетельницей дележа ее приношения. После этого она более никогда не переступала порога церкви». [10, с. 8.]

Всего в семье Войно-Ясенецких было пятеро детей: Павел, Ольга, Валентин, Владимир и Виктория. Святитель Лука вспоминал о своих близких: «Два брата мои – юристы – не проявляли признаков религиозности. Однако они всегда ходили к выносу Плащаницы и целовали ее, и всегда бывали на Пасхальной утрени. Старшая сестра – курсистка, потрясенная ужасом катастрофы на Ходынском поле, психически заболела и выбросилась из окна третьего этажа, получив тяжелые переломы бедра и плечевой кости и разрывы почек; от этого впоследствии образовались почечные камни, от которых она умерла, прожив только двадцать пять лет. Младшая сестра, доселе здравствующая, прекрасная и очень благочестивая женщина». [1, с. 9, 10.]

Дети росли в атмосфере христианской любви и послушания. Валентин был активным, очень наблюдательным и любознательным ребенком. С колыбели он видел, как благоговейно молились отец и мать с большим числом поклонов много раз в день; с трех лет и Валентин присоединялся к ним. Как пишет В. А. Лисичкин: «Гимназист Валентин находился под строгим контролем и дома, и в гимназии. Строгое домашнее религиозное и гимназическое воспитание привило Валентину с детства глубокое чувство ответственности перед Богом за все

свои поступки и деяния. От матери мальчик приобрел сильную волю и властный характер, от отца благочестивость... Семья жила очень дружно, все помогали и любили друг друга». [9, с. 22.] В своих мемуарах святитель Лука также упоминает, что, не получив как такового религиозного воспитания, он унаследовал религиозность, «главным образом, от своего очень набожного отца». [1, с. 10.]

В 1889 году Войно-Ясенецкие переехали в Киев и обосновались в центре города, на Крещатике. Валентин поступил во Вторую Киевскую гимназию. Правила поведения здесь были так же строги, как и в предыдущей гимназии. Учился Валентин очень хорошо, с увлечением. Особенно любил уроки истории и рисования. Родители серьезно отнеслись к дару мальчика. Поэтому, когда ему исполнилось 13 лет, его отдали в Киевскую художественную школу.

Рядом была Киево-Печерская Лавра. Церковная жизнь, бывшая здесь ключом, толпы богомольцев со всей России шли на поклонение киевским святыням – все это не могло не оставить след в жизни юного Валентина.

«На формирование мировоззрения Валентина в старших классах гимназии заметное влияние оказал старший брат Владимир – студент юридического факультета. В студенческой среде тех лет было сильное увлечение народническими идеями. Хождению в народ интеллигентов-народников способствовали и книги И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др. Вместе с братьями Валентин разделили и увлечение этикой Льва Толстого» [9, с. 23.], – пишет В. А. Лисичкин. Увлечение было сильным, Валентин подражал Л. Н. Толстому во всем: «спал на полу на ковре, а летом, уезжая на дачу, косил траву и рожь вместе с крестьянами, не отставая от них». [1, с. 11.] Он написал 30 октября 1897 года письмо Л. Н. Толстому, в котором просил повлиять на свою суровую мать, не одобрявшую его планы стать толстовцем. Валентин просил разрешения у графа приехать в Ясную Поляну и жить под его присмотром. Письмо осталось без ответа. Ответ был дан Господом: в руки юноши попала книжка Л. Толстого «В чем моя вера?», изданная за границей, поскольку в России этот труд был запрещен. Но среди студентов эта книжка ходила по рукам и старшие братья принесли ее домой. Прочтя книгу, Валентин понял, что толстовство есть не что иное, как издевательство над Православием, а Толстой – еретик, безмерно далекий от истины. Духовный мир Валентина трудами родителей и учителей строился, как на прочном камне, на святом Православии.

Итак, Валентин успешно оканчивает гимназию, и при вручении аттестата зрелости директор дарит выпускнику Новый Завет. Многие места этой святой книги произвели неизгладимое впечатление на юношу. В мемуарах святитель Лука так вспоминает об этом: «Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: *Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою* (Мф. 9: 37). У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: «О, Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!» Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему». [1, с. 13.] В семье хранится эта книга с пометками Валентина, сделанными тогда красным карандашом.

Одновременно с гимназией он заканчивает и Киевскую художественную школу, «в которой проявил немалые художественные способности, участвовал в одной из передвижных выставок небольшой картинкой, изображавшей старика-нищего, стоящего с протянутой рукой». [1, с. 10.]

Увлечение живописью было очень серьезным, так что по окончании гимназии Валентин решил поступать в Петербургскую Академию Художеств.

Удивительное решение было принято молодым человеком, обдумывающим выбор своего жизненного пути:

«Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей. Из Академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет с тем, чтобы после перейти на медицинский». [1, с. 10.]

Нелюбовь к естественным наукам изменила этот план. Валентин поступает на юридический факультет и в течение года увлеченно изучает историю и философию права, политическую экономию и римское право.

Любовь к живописи не отпускает, и через год он отправился в Мюнхен в частную художественную школу профессора Книрр. «Однако уже через три недели тоска по родине неудержимо повлекла меня домой, я уехал в Киев и еще год с группой товарищей усиленно занимался рисованием и живописью». [1, с. 11.]

Каждый день, а иногда и дважды в день ездил Валентин в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки сцен, что видел в Лавре и храмах. Множество талантливых зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев было сделано за почти год усиленной работы.

Наметилось направление художественной деятельности Валентина, в котором работали и Васнецов, и Нестеров. «К этому времени я ясно понял процесс художественного творчества. Повсюду: на улицах и в трамваях, на площадях и базарах – я наблюдал все ярко выраженные черты лиц, фигур, движений и по возвращении домой все это зарисовывал. На выставке в Киевской художественной школе получил премию за эти свои наброски». [1, с. 12.]

Это ежедневное общение с паломниками и молящимися людьми в течение этого «довольно странного года» было школой духовного опыта. Валентин поневоле соприкасался с духом и душой этих людей. Именно тогда ему пришла мысль, что это его паства.

Поиск правильного жизненного пути, нераздельно связанного уже тогда с служением народу, продолжался. Святитель Лука вспоминает: «Можно было бы поступить на медицинский факультет, но опять меня взяло раздумье народнического порядка, и по юношеской горячности я решил, что нужно как можно скорее приняться за полезную практическую для простого народа работу. Бродили мысли о том, чтобы стать фельдшером или сельским учителем, и в этом настроении я однажды отправился к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой устроить меня в одну из школ. Директор оказался умным и проницательным человеком: он хорошо оценил мои народнические стремления, но очень энергично меня отговаривал от того, что я затевал, и убеждал поступить на медицинский факультет». [1, с. 13.]

Это решило, наконец, вопрос о выборе дела жизни. Преодолев отвращение к естественным наукам, Валентин поступает на медицинский факультет Киевского университета, чтобы стать полезным для крестьян, облегчить их жизнь и принести пользу народу.

Университет

Итак, в 1898 году Валентин стал студентом медицинского факультета Киевского университета имени святого князя Владимира.

Учился блестяще. Вот как архиепископ Лука вспоминает эти годы: «Когда я изучал физику, химию, минералогию, у меня было почти физическое ощущение, что я насильно заставляю мозг работать над тем, что ему чуждо. Мозг, точно сжатый резиновый шар, стремился вытолкнуть чуждое ему содержание. Тем не менее, я учился на одни пятерки и неожиданно чрезвычайно заинтересовался анатомией. Изучал кости, рисовал и дома лепил их из глины, а своей препаровкой трупов сразу обратил на себя внимание всех товарищей и профессора анатомии. Уже на втором курсе мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и их пророчество сбылось. Через двадцать лет я действительно стал профессором топографической анатомии и оперативной хирургии». [1, с. 14.]

То, что многих от медицины отпугивало, привлекло его более всего. На третьем курсе Валентин увлекся изучением операций на трупах. «Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах. Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии». [1, с. 14.]

Валентина выделяли высокие моральные требования к себе и другим, чуткость к чужому страданию и боли, открытый протест против несправедливости и насилия. Скоро его избрали старостой курса, что было выражением уважения и доверия со стороны однокашников. «На третьем курсе я неожиданно был избран старостой. Это случилось так: перед одной лекцией я узнал, что один из товарищей по курсу – поляк – ударил по щеке другого товарища – еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все примолкли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка... Эта речь произвела столь большое впечатление, что меня единогласно избрали старостой». [1, с. 15.]

Государственные экзамены Валентин сдавал на одни пятерки, и профессор общей хирургии сказал ему на экзамене: «Доктор, вы теперь знаете гораздо больше, чем я, ибо вы прекрасно знаете все отделы медицины, а я уж многое забыл, что не относится прямо к моей специальности». [1, с. 15.]

Принципиальность и правдивость, отвращение к малейшей лжи всегда отличали Валентина: «Только на экзамене по медицинской химии (теперь она называется биохимией) я получил тройку. На теоретическом экзамене я отвечал отлично, но надо было сделать еще исследование мочи. Как это, к сожалению, было в обычае, служитель лаборатории за полученные от студентов деньги рассказал, что надо найти в первой колбе и пробирке, и я знал, что в моче, которую мне предложили исследовать, есть сахар. Однако, благодаря маленькой ошибке, троммеровская реакция у меня не вышла, и, когда профессор, не глядя на меня, спросил: «Ну, что вы там нашли?» – я мог бы сказать, что нашел сахар, но сказал, что троммеровская реакция сахара не обнаружила». [1, с. 15.]

Эта единственная тройка не помешала ему получить диплом лекаря с отличием.

В университете он приводил в изумление студентов и профессоров своим принципиальным пренебрежением к карьере и личным интересам. После окончания университета этот прирожденный ученый объявил, что будет... земским врачом – занятие самое непрестижное, тяжелое и малоперспективное.

«Когда все мы получили дипломы, товарищи по курсу спросили меня, чем я намерен заняться. Когда я ответил, что намерен быть земским врачом, они с широко открытыми глазами сказали: «Как, Вы будете земским врачом?! Ведь Вы ученый по призванию!» «Я был оби-

жен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям». [1, с. 15, 16.]

Земский врач

Валентин Феликсович окончил университет осенью 1903 года, перед самым началом войны с Японией; и началом его медицинской работы стала военно-полевая хирургия. Однако он не был кадровым врачом и военной формы никогда не носил.

«В составе медицинского отряда Красного Креста Войно-Ясенецкий выехал 30 марта 1904 года на Дальний Восток. Отряд расположился в Чите. Здесь-то и началась практика хирурга-врача. Главный врач поручил молодому выпускнику заведовать хирургическим отделением и не ошибся: операции, проводимые Валентином Феликсовичем, были сложными и проходили безупречно, неудач не было. Он сразу же стал оперировать на костях, суставах и черепе. Сказывался его пристальный интерес к топографической анатомии». [10, с. 12, 13.]

В. А. Лисичкин писал: «Он стал сразу же после окончания университета мужчиной-врачом. Но не в земской больнице он врачевал мужиков, а в госпитале Киевского Красного Креста недалеко от Читы в 1904 году. И не землепашцев, а крестьян, одетых в форму солдат русской армии, воевавших с Японией в начавшейся войне. Уже в первые месяцы практической работы проявился его твердый волевой характер и высокий профессионализм хирурга». [9, с. 25.]

Вот как вспоминает это время архиепископ Лука: «В госпитале было два хирургических отделения: одним заведовал опытный одесский хирург, а другое главный врач отряда поручил мне, хотя в отряде были еще два хирурга значительно старше меня. Я сразу же развил большую хирургическую работу, оперируя раненых, и, не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими, несчастий не бывало. В работе мне много помогла недавно вышедшая блестящая книга французского хирурга Лежара «Неотложная хирургия», которую я основательно проштудировал перед поездкой на Дальний Восток». [1, с. 16.]

Здесь же, в Чите, произошло еще одно важное событие в жизни Войно-Ясенецкого – его женитьба. Во время и после операций Валентину часто помогала сестра милосердия Анна Васильевна Ланская. Он знал ее еще по Киеву, где в Киевском военном госпитале ее называли святой сестрой. Она была любимой дочерью управляющего большим поместьем на Украине недалеко от Черкасс. Воспитывалась Анна Васильевна в глубоко православном духе и дала обет девства ради служения Господу Богу в качестве сестры милосердия. Анна приехала в Читу с тем же отрядом Красного Креста.

«Она покорила меня не столько своей красотой, сколько исключительной добротой и кротостью характера. Там два врача просили ее руки, но она дала обет девства. Выйдя за меня замуж, она нарушила этот обет, и в ночь перед нашим венчанием в церкви, построенной декабристами, она молилась перед иконой Спасителя, и вдруг ей показалось, что Христос отвернул Свой лик и образ Его исчез из киота. Это было, по-видимому, напоминанием об ее обете, и за нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой, патологической ревностью» [1, с. 16, 17.], – писал в своих мемуарах архиепископ Лука.

Молодая семья жила счастливо, несмотря на тяжелую работу Валентина Феликсовича. В 1907 году родился первенец Войно-Ясенецких – Михаил, в 1908 году – дочь Елена.

Еще до окончания войны молодые уехали из Читы в небольшой уездный городок Ардатов Симбирской губернии, где Валентину Феликсовичу поручили заведовать больницей. В трудных и неприглядных условиях он сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии (раздел медицины, изучающий болезни глаза – *прим. ред.*).

Операциям на глазах Валентин Феликсович стал учиться сразу после выпускных экзаменов, зная, что великим бедствием в некоторых губерниях России была слепота. Русская деревня с ее грязью и нищетой издавна была очагом трахомы. Множество жертв «болезни-ослепительницы» просили на дорогах подаяния.

Собираясь стать земским врачом, Войно-Ясенецкий не забыл и об этом народном бедствии. Осенью 1903 года, сразу после выпускных экзаменов в Университете, он начал посещать в Киеве глазную клинику. Амбулаторного приема и операций в клинике ему казалось недостаточно, и он стал приводить больных к себе в дом. «Наша квартира, – вспоминает сестра владыки Луки Виктория, – превратилась на какое-то время в глазной лазарет. Больные лежали в комнатах, как в палатах. Валентин лечил их, а мама кормила». [1, с. 93, 94.] Этот киевский опыт очень пригодился ему потом в земских больницах.

В Ардатове слава о глазных операциях, которые делал новый доктор, росла так стремительно, что хирург не успевал осматривать желающих оперироваться. Через несколько месяцев пришлось отказаться от работы в Ардатове ввиду ее невыносимой трудности. Семья перебралась в село Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии. Но слава о замечательном хирурге уже распространилась так далеко, что у порога небольшой сельской больницы выстраивались посетители не только из близлежащих мест, но даже из соседней губернии. Особенно запомнился трогательный случай с одним молодым нищим, слепым, которому доктор вернул зрение в результате замечательно проведенной операции. Прозревший собрал слепцов со всей округи, и они длинной вереницей выстроились перед больницей в ожидании врачебной помощи.

В это время началась научная работа Валентина Феликсовича: «В Любаже мне встретилось несколько редких и весьма интересных хирургических случаев, и о них я там же написал две мои первые статьи: «Элефантиаз лица, плексиформная неврома» и другую – «Ретроградное ущемление при грыже кишечной петли». Чрезмерная слава сделала мое положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил». [1, с. 18.]

Городская управа перевела Войно-Ясенецкого в уездный городок Фатеж, но и оттуда вскоре пришлось уехать, так как Валентин Феликсович однажды отказался прекратить прием больных, находящихся у дверей его кабинета, чтобы срочно явиться на вызов исправника. Председатель управы «счел меня революционером за то, что я не отправился немедленно, оставив все дела, к заболевшему исправнику, и постановлением управы я был уволен со службы. Это, однако, не обошлось благополучно. В базарный день один из вылеченных мной слепых влез на бочку, произнес зажигательную речь по поводу моего увольнения, и под его предводительством толпа народа пошла громить земскую управу, здание которой находилось на базарной площади. Там был только один член управы, от страха залезший под стол.

На протяжении всей жизни для Валентина Феликсовича все пациенты были равны, и самое высокое положение в обществе не давало каких-либо преимуществ в лечении. «Он одинаково доброжелательно и внимательно осматривал и лечил и простого мужика из глухой сибирской деревни, и видного чиновника. Неизменно строго относился доктор лишь к воинствующим безбожникам, болезни которых он считал карой Божией за их грехи противления». [10, с. 14, 15.]

Еще в ардатовской больнице Валентин Феликсович столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза. В то время больные зачастую умирали не в результате неудачного оперативного вмешательства, а попросту не перенесли наркоза. Поэтому многие земские врачи отказывались либо от наркоза при операциях, либо от самих операций.

«У меня возникла мысль о необходимости, по возможности, избегать наркоза и как можно шире заменять его местной анестезией. ...В это время вышла первым изданием книга профессора Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения». Я с жадностью прочел ее и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие

методы которой весьма недавно были опубликованы. Я запомнил, между прочим, что осуществление регионарной анестезии седалищного нерва Браун считает едва ли возможным. У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее». [1, с. 17, 18.] Регионарная анестезия – самая щадящая по последствиям по сравнению с обычной местной и тем более общей анестезией, однако – самая сложная по исполнению: укол при этом способе делается в строго определенные участки тела – по ходу нервных стволов.

Из Фатежа Войно-Ясенецкий направился в Москву для работы над диссертацией. Там немного менее года он был экстерном хирургической клиники профессора Дьяконова. По правилам этой клиники все врачи-экстерны должны были писать докторскую диссертацию, и Войно-Ясенецкому была предложена тема «Туберкулез коленного сустава». Архиепископ Лука вспоминал: «Через две-три недели меня пригласил профессор Дьяконов и спросил, как идет работа по диссертации. Я ответил, что уже прочел литературу, но у меня нет интереса к этой теме. Умный профессор с глубоким вниманием отнесся к моему ответу и, когда узнал, что у меня есть собственная моя тема, с живым интересом стал расспрашивать о ней. Оказалось, что он ничего не знает о регионарной анестезии, и мне пришлось рассказывать ему о книге Брауна. К моей радости, он предложил мне продолжать работу над регионарной анестезией, оставив предложенную тему.

Так как моя тема требовала анатомических исследований и опытов с инъекциями окрашенной желатины на трупах, то мне пришлось перейти в Институт топографической анатомии и оперативной хирургии, директором которого был профессор Рейн, председатель Московского хирургического общества. Но оказалось, что и он не слышал и ничего не читал о регионарной анестезии.

Скоро мне удалось найти простой и верный способ инъекции и к седалищному нерву у самого выхода его из полости таза, что Генрих Браун считал вряд ли разрешимой задачей. Нашел я и способ инъекции к срединному нерву и регионарной анестезии всей кисти руки. Об этих моих открытиях я сделал доклад в Московском хирургическом обществе, и он вызвал большой интерес». [1, с. 20.]

Валентин Феликсович напряженно и плодотворно трудился – несколько месяцев он препарировал трупы в Институте топографической анатомии, оттачивая методы и технику регионарной анестезии. Для изучения вариантов обезболивания тройничного нерва пришлось исследовать триста черепов. Вот что он пишет в письме домой: «Из Москвы не хочу уезжать, прежде чем не возьму от нее того, что нужно мне: знаний и умения научно работать. Я по обыкновению не знаю меры в работе и уже сильно переутомился. А работа предстоит большая: для диссертации надо изучить французский язык и прочесть около пятисот работ на французском и немецком языках. Кроме того, много работать придется над докторскими экзаменами». [10, с. 15.]

Занимаясь научной работой, Валентин Феликсович всегда имел жизненные задачи, руководствовался желанием облегчить страдания больных и труд врачей. В применении такого совершенного метода местного обезболивания как регионарная анестезия была огромная практическая потребность, особенно же у земских врачей. Хирургия имела для владыки Луки огромное значение, так как благодаря ей он мог служить бедным и страждущим людям.

В 1908–1909 годах в журнале «Хирургия» появляются первые научные работы В. Ф. Войно-Ясенецкого, посвященные вопросам обезболивания. Всего за первые двенадцать лет своей хирургической деятельности будущий владыка Лука опубликовал девятнадцать из сорока двух своих научных работ.

Однако в Москве семье с двумя маленькими детьми было не на что жить, и Войно-Ясенецкие переезжают в село Романовку Балашовского уезда Саратовской губернии. Это было большое степное село на реке Хопер с двумя храмами и с четырьмя кабаками. В праздничные

дни там было особенно беспокойно – начинались пьянки, драки, поножовщина. По рассказам старого медика Виктора Федосьевича Елатомиева, работавшего в Романовской слободе вскоре после Войно-Ясенецкого, болезни там тоже приобретали огромный размах: бытовым сифилисом могло болеть целое село, «пневмония – так ее на расстоянии видно, флегмона – так полведра гноя». Два врача, три фельдшерицы и фельдшер, работая без передышки целыми сутками, едва справлялись с наплывом больных. На прием в амбулаторию приходило по 100–150 человек. А после этого надо было ехать верхом или на телеге по деревням. Дел и там хватало, ведь на участке было двадцать сел и двенадцать хуторов, там на месте приходилось делать операции под наркозом, накладывать акушерские щипцы.

Вот что представляла собой земская больница в Романовке по «Обзору состояния земской медицины в Балашовском уезде за 1907–1910 и отчасти 1911 года»: «Романовский участок. Площадь 580 кв. верст. Население 30506 человек. Более 70 % жителей расположено далее, чем за 8 верст от дома врача. Амбулатория – 31640 обращений в год. Участок в два раза превышает требования нормы по площади и в три раза по населению и количеству работы». Принимая за час 25–30 больных, можно было уделить каждому не более двух минут. Тут и осмотр и назначение. Приемы длятся по 5–7 часов в день. По подсчетам составителя «Обзора»: «...Только в 45 случаях из 100 можно поставить приблизительно точный диагноз, а 55 проходят мимо без диагноза. На долю одного врача нередко приходится принять до 200 человек... Помещение для амбулаторных приемов большей частью тесно и душно. В Балашовском участке, например, в одной комнате принимают три врача, двое из них – за одним столом. Тут же за ширмой гинекологические исследования, рядом, в перевязочной, делают разрезы, прививки детям, все это сопровождается криками, плачем.

В ожидальнях давка и шум, бывают случаи обмороков от недостатка воздуха. О каком-либо выслушивании больного здесь не может быть и речи». В этой тесноте, духоте и шуме полтора года работал и Валентин Феликсович. Кроме врачебного приема и выездов на нем была в больнице и вся хирургия. «Я делал в Романовке не менее 300 операций в год» [1, с. 96, 97.], – пишет он в биографии 1945 года. «Обзор» подтверждает: в 1909 году хирург произвел 292 операции. В начале следующего года операционный темп возрос еще больше.

О результатах работы в больнице В. Ф. Войно-Ясенецкий напечатал отчет отдельной книжкой по образцу отчетов клиники профессора Дьяконова. Работа над регионарной анестезией продолжалась в Москве во время ежегодных месячных отпусков. Валентин Феликсович работал с утра до вечера в Институте профессора Рейна и профессора Карузина при кафедре описательной анатомии.

В Романовке родился сын Алексей. Жена Анна была полностью занята детьми и домом, и, тем не менее, помогала мужу в подготовке отчетов и первой книги.

В 1911 году Валентин Феликсович получил предложение занять пост главного врача и хирурга уездной больницы на 50 коек в Переславле-Залесском Московской губернии. Там семья Войно-Ясенецких прожила шесть с половиной лет. А в 1914 году родился младший сын Валентин.

Переславльская больница оборудована была также плохо, как и Романовская. Не было ни электричества, ни рентгеновского аппарата, воду доставлял водовоз в бочке, вонючая яма заменяла канализацию. Чистка этой ямы на несколько часов парализовывала жизнь лечебницы. В больницу стекались в основном крестьяне со всего уезда.

«В половине девятого утра больничный кучер Александр подавал к дому главного врача экипаж. Войно-Ясенецкие занимали довольно просторный деревянный дом помещицы Лилевой на Троицкой улице, неподалеку от того места, где теперь шоссе Москва – Ярославль прорекает старинный земляной вал. Расстояние от дома до больницы не больше версты, но и это время у врача зря не пропадало. Он брал с собой в экипаж 15–20 карточек с немецкими и французскими словами и учил их по дороге.

Старший сын владыки Луки Михаил Валентинович, вспоминая о том времени, рассказывал: «Отец работает днем, вечером, ночью. Утром мы его не видим, он уходит в больницу рано. Обедаем вместе, но отец и тут остается молчаливым, чаще всего читает за столом книгу. Мать старается не отвлекать его. Она тоже не слишком многоречива». [1, с. 97.]

Бывшая горничная, прослужившая у Войно-Ясенецких семь лет, Елизавета Никаноровна Кокина с большой любовью вспоминает о них: «Завтракал барин один в восемь утра. Обедать приезжал в пять. После обеда немного отдыхал. Потом в кабинете больных принимал. После вечернего самовара уходил к себе в кабинет. Пишет там, читает, пока весь керосин в лампе не выгорит. Часто его ночью в больницу вызывали. Молча собирается, едет. Никогда не сердился, если вызывали». [1, с. 97.]

«С детьми, – продолжает Елизавета Никаноровна, – барин и барыня очень ласковы были. Никогда их не наказывали, даже слова грубого не говорили. Только Мишу за баловство мать в чулан иногда ставила. Да скоро и выпускала». [1, с. 98.]

Михаил Валентинович не помнил про чулан, но ласковый доброжелательный тон, принятый в семье, глубоко запал в его память. «Мебель в Переславльском доме была до последней степени неказистая, – рассказывал он. – Сбережений ни тогда, ни потом отец не имел». Об этом говорит и Е. Н. Кокина: «Им, Ясенецким, форсись-то не из чего было. Вина, табак в доме не держали, сластей тоже никогда не бывало. Книг только ему по почте много шло. Книг было много. Ни в театры, ни в гости они не ездили, и к ним редко кто ходил. Раз в месяц приезжала знакомая игуменья из Федоровского монастыря, чайку попить. Да еще захаживал доктор Михневич с женой Софьей Михайловной. Они вместе в больнице работали». [1, с. 98.]

Валентин Феликсович обладал невероятной работоспособностью. С его приходом в больницу Переславля-Залесского число проводимых операций возросло в несколько раз. Спустя время, в 70-х годах врач этой больницы с гордостью докладывал: «Делаем полторы тысячи операций в год – силами 10–11 хирургов. В 1913 году один Войно-Ясенецкий делал в год тысячу операций». [15.] Особенно были загружены воскресные и праздничные дни, но в эти дни он все чаще старался посещать местную церковь, где у него было даже свое место.

В Переславле-Залесском он одним из первых в России делал сложнейшие операции не только на желчных путях, почках, желудке, кишечнике, но даже на сердце и мозге. Прекрасно владея техникой глазных операций, он многим слепым возвращал зрение.

Однажды Валентин Феликсович прооперировал целую семью, в которой слепыми от рождения были отец, мать и пятеро их детей. Из семи человек после операции шестеро стали зрячими. Прозревший мальчик лет девяти впервые вышел на улицу и увидел мир, представлявшийся ему совсем по-иному. К нему подвели лошадь: «Видишь? Чей конь?» Мальчик смотрел и не мог ответить. Но привычным движением осяпав коня, закричал радостно: «Это наш, наш Мишка!» [15.]

В 1915 году в Петрограде вышла книга В. Ф. Войно-Ясенецкого «Регионарная анестезия», блестяще иллюстрированная самим автором, в которой он обобщил и результаты исследований, и свой богатейший хирургический опыт. На смену прежним примитивным способам слойного пропитывания анестезирующим раствором всего, что надо резать, пришла новая методика местной анестезии, в основу которой легла рациональная идея прервать проводимость нервов, по которым передается болевая чувствительность из области, подлежащей операции. За эту работу Варшавский университет присудил Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому премию имени Хойнацкого. Эту награду получали авторы лучших сочинений, прокладывающие новые пути в медицине. К сожалению, денег (900 рублей золотом) автор не получил, потому что не смог представить в Варшаву определенное количество экземпляров книги: маленький тираж был раскуплен мгновенно.

В 1916 году В. Ф. Войно-Ясенецкий защитил свою монографию «Регионарная анестезия» как диссертацию и получил степень доктора медицины. Архиепископ вспоминал: «Интересен

был отзыв профессора Мартынова. Он сказал: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе и научная ценность их невелика. Но когда я читал вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее». А профессор Карузин, очень взволнованный, подбежал ко мне и, потрясая мою руку, усердно просил прощения в том, что не интересовался моей работой на чердаке, где хранятся черепа, и не подозревал, что там создается такая блестящая работа». [1, с. 91.]

Было еще одно великое событие в жизни будущего архиепископа, начало которому Господь положил в Переславле. С самого начала своей хирургической деятельности в Чите, Любаже и Романовке Валентин Феликсович понял огромное значение гнойной хирургии: «Я поставил своей задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний. В конце моего пребывания в Переславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге – «Очерки гнойной хирургии». Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа». Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось, но неведомые нам пути жизни нашей вполне известны Всеведущему Богу уже когда мы во чреве матери». [1, с. 24.]

Уже через несколько лет это стало полной реальностью.

В 1915–1916 годах Валентин Феликсович заведовал небольшим госпиталем для раненых.

В начале 1917 года в гости приехала старшая сестра Анны Васильевны, только что похоронившая в Крыму свою дочь, умершую от скоротечной чахотки. Она привезла с собой ватное одеяло, под которым лежала ее больная дочь и прожила в доме всего недели две. Вскоре после ее отъезда у Анны Васильевны обнаружили явные признаки туберкулеза легких. Это изменило дальнейшую жизнь семьи.

Ташкент. Священство

Болезнь Анны Васильевны совпала с тем временем, когда был объявлен конкурс на должность хирурга и главного врача большой городской больницы в Ташкенте, и Валентин Феликсович при очень большом числе кандидатов получил приглашение. В марте 1917 года семья переехала в Ташкент.

«С нами ехала девушка-прислуга, недавно родившая ребенка. На полдороге от Переяславля до Москвы пришлось остановиться на неделю в гостинице Троице-Сергиевой Лавры вследствие высокой лихорадки у Ани. Поездка на поезде в Москву и дальнейший путь до Ташкента с малыми детьми были крайне трудными, так как было уже сильно расстроено железнодорожное движение. В Ташкенте у нас была отличная квартира главврача при больнице, пять комнат, в которых, однако, мне самому нередко приходилось мыть полы из-за неизбежного при революции расстройства жизни». [1, с. 24, 25.]

С конца 1917 года положение дел в Ташкенте стало резко ухудшаться. Дорожали продукты, базары были нищими, горничная Войно-Ясенецких простаивала в очередях с раннего утра до середины дня.

Профессор-антрополог Лев Васильевич Ошанин, три года работавший врачом в Ташкентской больнице под руководством Войно-Ясенецкого, с глубоким уважением относившийся к Валентину Феликсовичу, вспоминает в своей рукописи «Очерки по истории медицинской общественности в Ташкенте»: «Время было тревожное. Нести суточные дежурства приходилось через двое-трое суток. В 1917–1920 годах в городе было темно. На улицах по ночам постоянно стреляли. Кто и зачем стрелял, мы не знали. Но раненых привозили в больницу. Я не хирург и, за исключением легких случаев, всегда вызывал Войно-Ясенецкого для решения вопроса, оставить ли больного под повязкой до утра или оперировать немедленно. В любой час ночи он немедленно одевался и шел по моему вызову. Иногда раненые поступали один за другим. Часто сразу же оперировались, так что ночь проходила без сна. Случалось, что Войно-Ясенецкого ночью вызывали на дом к больному, или в другую больницу на консультацию, или для неотложной операции. Он тотчас отправлялся в такие ночные, далеко не безопасные (так как грабежи были нередки) путешествия. Так же немедленно и безотказно шел Войно-Ясенецкий, когда его вызовешь в терапевтическое отделение на консультацию. Никогда не было на его лице выражения досады, недовольства, что его беспокоят по пустякам (с точки зрения опытного хирурга). Наоборот, чувствовалась полная готовность помочь.

Я ни разу не видел его гневным, всплывшим или просто раздраженным. Он всегда говорил спокойно, негромко, неторопливо, глуховатым голосом, никогда его не повышая. Это не значит, что он был равнодушен, – многое его возмущало, но он никогда не выходил из себя, а свое негодование выражал тем же спокойным голосом». [1, с. 99, 100.]

В больнице Валентин Феликсович организовал хирургическое отделение. Недостатка в больных не было. Шла гражданская война. Над больничным двором свистели пули. Стены корпусов, как оспой, покрылись пулевыми шрамами. Во время одной из таких перестрелок ранило в бедро операционную сестру.

Здоровье Анны Васильевны ухудшалось, нервы были постоянно напряжены. К зиме стало совсем голодно. Анна кое-как ходила по дому, но ни готовить, ни убирать уже не могла. Дети помнят, как Валентин Феликсович вечером мыл полы, накручивая на половую щетку старые бинты. Стали приносить из больничной кухни обед – квашеная тухлая капуста плавала в мутной воде. Лечил Анну Васильевну доктор Моисей Слоним, лучший терапевт города, лечивший высокопоставленных лиц и имевший частный прием. Человек добрый, он пытался поддержать больную не только лекарствами, но и усиленным питанием: от своего стола посылал доктор довольно богатые по тем временам обеды. Но ни обеды Слонима, ни продукты, которые тай-

ком от Войно-Ясенецкого посылала его жене семья хирурга Ротенберга, не приносили большой пользы. Анна раздавала пищу детям, а сама сидела на той же капустной похлебке, что и муж. Окончательно подорвал ее здоровье арест Валентина Феликсовича во время восстания Туркменского полка.

Военный комиссар Туркестанской республики К. Осипов в январе 1919 года попытался захватить в Ташкенте власть. Было ли это восстание направлено против большевистских крайностей, или Осипов просто замыслил назначить себя диктатором – неизвестно, но при подавлении восстания пострадало много ни в чем не повинных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.